

ИЗ НАСЛЕДИЯ В.П. ЖЕЛИХОВСКОЙ

Д. Звонковъ

Мещеряковская

Д. Звонковъ

ЗА ВСЕРОССИЙСКУЮ

НИЖ. ВЫСТ. 1896г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

НЕВСКИЙ ПРОСП. №10. МОХОВАЯ УЛ. №24.

В.П. Желиховская

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ

Горный ветер
Москва, 2020

УДК 82-3
ББК 84
Жел 50

*Сердечно благодарим всех друзей и почитателей таланта
В.П. Желиховской, поддержавших выход этой книги.*

*Страница проекта в интернете:
http://блаватская.рф/желиховская_забытые_герои*

На обложке: Франц Рубо. Генерал Котляревский штурмует крепость
Ленкорань 31 декабря 1812 года (фрагмент). 1893.

Жел 50 **Желиховская В.П. Забытые герои.** / сост., вступ. ст.
Г.Г. Косырев. — М.: Горный ветер, 2020. — 144 с.

Вера Петровна Желиховская (1835–1896) — русская писательница, сестра крупнейшего философа XIX столетия, основателя Теософского общества Елены Петровны Блаватской. Большую популярность ей принесли произведения, посвященные детству и юношеству, а также историческим и теософским темам.

В настоящую книгу вошли четыре рассказа о войне на Кавказе, отмечающие героизм русских солдат, офицеров и генералов. Их военные подвиги навсегда останутся в истории России и будут жить вечно.

В.П. Желиховская поведала также и о таинственном случае, произошедшем с одним пленным офицером, когда его душа после тяжелой болезни выходит из тела и посещает родных, полных тревоги о его судьбе.

Печатается по изданиям: Желиховская В.П. Забытые герои. I–IV. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1887–1888. (Издание редакции журнала «Досуг и дело»).

ISBN 978-5-6043814-0-3

Вступительная статья

Вера Петровна Желиховская (1835–1896) — русская писательница, сестра крупнейшего философа XIX столетия, основателя Теософского общества Елены Петровны Блаватской известна в первую очередь своими историями для детей, рассказами и воспоминаниями, такими как повести «Как я была маленькой», «Мое отрочество» и другими. Анастасия Цветаева, сестра Марины Цветаевой, вспоминала, как обе они в детстве «зачитывались присланными папой книгами Желиховской».

Однако не только детские приключения и проблемы юношества привлекали внимание В.П.Желиховской. Есть среди ее работ и произведения, посвященные непознанному, такие как книга «Фантастические рассказы» или повесть «Майя», статьи в защиту имени Е.П.Блаватской, а также произведения исторические, рассказывающие о кавказском крае.

В.П.Желиховская знала про жизнь на Кавказе не понаслышке. Ее дед Андрей Михайлович Фадеев (1789–1867), губернатор Саратова, в 1846 году получил назначение на должность члена совета управления Закавказского края, и девочка, переехавшая к нему и бабушке после смерти матери, отправилась вместе с ним и с семьей на Кавказ. На Кавказе Вера долгое время жила в Тифлисе. Выйдя замуж за Н.Н.Яхонтова, брата поэта А.Н.Яхонтова, она впоследствии на время уехала из города, но потом после смерти мужа вернулась вместе с детьми и вступила в брак с директором гимназии В.И.Желиховским. Лишь после его смерти в 1880 году она уже навсегда покинула Тифлис, накопив массу впечатлений о жизни в Закавказье. Эти впечатления она и пыталась передать своим читателям.

Среди произведений В.П.Желиховской на кавказскую тему есть и несколько рассказов, посвященных теме войны на Кавказе в начале XIX века. Объединенные в серию «Забывтые герои» они были выпущены в России редакцией журнала «Досуг и дело» в 1887–1888 годах. В них повествуется о подвигах и доблести таких известных лиц, как генерал Котляревский и полковник Карягин (рассказ «Секерин. Братья Рогульские. Карягин. Котляревский»),

обычных офицеров (рассказ «Подполковник Мищенко. Капитан Овечкин. Прапорщик Щербина») и простых солдат (рассказ «Терещенко и Никифоров»).

В.П.Желиховская не была бы сестрой Блаватской, если бы не рассказала об одном мистическом случае (рассказ «Иван Васильевич Швецов»), когда душа измученного пленом русского офицера, проведенного в земляной яме почти полтора года, во время тяжелой болезни выходит из тела, поднимается вверх над своей темницей и посещает родных в городе Кизляре. Швецов видит свой дом, брата около самовара и мать, вяжущую чулок, воспринимает ее мысли, тревогу и заботу о нем. Все это происходит настолько естественно, что не оставляет никакого сомнения в реальности случившегося.

Разумеется, истории В.П.Желиховской — это художественные произведения об отдельных событиях, а не полное описание войны на Кавказе. Заинтересовавшиеся этой темой и желающие узнать о Кавказской войне больше могут обратиться к известному труду генерал-лейтенанта от кавалерии, начальника Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, военного историка Василия Александровича Потто (1836–1911), прозванного за свои сочинения «Нестором Кавказской истории» и неоднократно награжденного почетными наградами от царей Александра II и Александра III, — «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях» в пяти томах.

Г.Г. Косырев

Терещенко¹ и Никифоров

I

Весной 1810 года Грузия только что приняла подданство России, и много дел кровавых и трудных приходилось нашим войскам вести за нее и в ней самой: за нее — с соседями турками, персиянами, горцами кавказскими; в ней — с местными владельцами, с царьками и князьями, то и дело затевавшими междоусобные битвы и ссоры. В то время Имеретия в особенности страдала, истекая кровью из-за споров царей Соломона и Давида Имеретинских за престол. Во время малолетства Соломона II, имеретинские князья избрали верховным правителем страны двоюродного брата только что умершего царя Соломона I (прозванного Великим), князя Давида. Но Давид был честолюбив и совсем не желал отказываться от царения. Когда законный наследник пришел в возраст, он обратился за помощью к своим соседям туркам в Ахалцихе и, чтобы задобрить пашу, не постыдился не только обещаться ему передать в турецкое владычество пограничные крепости, но даже самые

¹ Все описываемые здесь подвиги суть истинные происшествия. — *Прим. авт.*

христианские церкви Имеретии превратить в мечети и стараться о распространении магометанства в своих владениях.

Турки обещали бессовестному похитителю покровительство и помощь. Давид провозгласил себя царем Имеретинским, а Соломон II бежал. С этого времени начались междоусобия, в которые призывались и турки. Хотя кончилось тем, что престол остался за царем Соломоном, но несчастная страна была вконец разорена и разграблена; не было в ней семьи, где бы двое мужчин состояли налицо: почти все взрослые люди были перебиты или уведены в плен.

Некоторое время царь Соломон процарствовал довольно тихо и благополучно; но потом снова загорелись мятеж и междоусобица, по собственной вине его. Он вдруг вздумал поступить по примеру своего врага, царя Давида: изменил русским, стараясь войти в союз с турками, с которыми в то именно время шла у нас война.

Главкомандующим в Грузии и на Кавказе тогда состоял генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов. Он только что одержал блистательные победы над персиянами; теперь, ввиду постоянных беспокойств в Имеретии, пришлось ему обратить внимание и туда, где чересчур свободно хозяйничали турки. Прежде всего надо было избавиться от их соседства в приморской крепости Поти. Осенью 1809 года командовавший войсками в Имеретии, Мингрелии и Гурии генерал князь Орбелиани по приказанию главнокомандующего осадил и взял Поти.

Когда 15 ноября после кровопролитного боя Поти сдалась и в крепость вошли победоносно русские войска с распущенными знаменами и торжественной музыкой, сторонники турок с царем Соломоном во главе пали духом и поспешили скрыться вместе с ним в горы. Там на неприступных высотах, покрытых сплошной зарослью фруктовых деревьев, винограда, хмеля, других цепких растений, стоял, да еще и теперь стоит, только в развалинах, укрепленный замок Варцихе, то есть «*башня роз*». Само название указывает на богатство растительности вокруг замка. Непроходимые чащи великанов-деревьев, перевитых лозами всех сортов, горы, изрезанные глубокими ущельями, водопадами и бурными горными речками, — тогда, как и теперь, были усеяны разбросанными по скалам и глубоким долинам хижинами, где прятаться беглецам в случае опасности было очень удобно;

но войскам их разыскивать без дорог, без верных проводников было совсем невозможно.

Однако с виду невозможное не раз на самом деле оказывалось возможным русским солдатам под начальством отважных и распорядительных командиров. Притон мятежного царя с несколькими сотнями его приверженцев был открыт и осажден полковником Симоновичем. Видя себя окруженным, Соломон тоже вздумал было бежать в Ахалцихе, — но unsuccessfully. В феврале 1810 года в Кутаиси, столице Имеретии¹, всенародно в церквах и на площадях был прочитан высочайший манифест о том, что по воле императора Александра I царь Соломон Имеретинский низлагается и навсегда, со всем потомством своим лишается прав на престол своих предков, а вскоре затем сам он был взят русскими войсками: пойман во время побега из Варцихе на турецкую границу и препровожден в Тифлис, откуда тем не менее в мае того же года ему удалось бежать, переодевшись в платье своего слуги.

Он ушел в Турцию, где через пять лет и умер изгнанником; но далее наш рассказ касается не его.

II

Итак, ровно семьдесят семь лет тому назад, когда Башня роз была взята, а с нею положила временно оружие и вся мятежная Имеретия, русские войска рассыпались малыми отрядами по всем горам и долам, по скалам и ущельям, ютась то в одиноких хижинах, то в башнях и полуразрушенных замках разбросанных по лесам. Почти все крепостцы и укрепленные жилища князей подвластных царям Имеретинским уже были во власти русских; держалась еще только одна крепость, считавшаяся неприступной, потому что стояла на отвесной скале, откуда было очень удобно отстреливаться от ничем неприкрытых врагов, которым приходилось карабкаться по узким обрывистым тропинкам. То был старинный замок князей Церетели, Модинахе, защищаемый упорно гарнизоном под начальством отважной женщины. Князь Койхосро Церетели, представитель рода, бежал в Ахалцихе² вместе с царем Соломоном; жена его, княгиня Екатерина, урожденная

¹ Ныне губернском городе Кутаисской губернии. — *Прим. авт.*

² Ахалцихе в то время принадлежал еще туркам. — *Прим. авт.*

княжна Абашидзе, приняла на себя предводительство и упорно не сдавалась, держась в своей самой природой укрепленном семейном гнезде.

Странная судьба этого замка! Два раза в продолжение века суждено было ему выдерживать осады под защитой женщин, и обе они были из княжеского рода Абашидзе. В прошлом столетии, когда еще Грузия не принимала подданства России, родоначальник Церетелевых, князь Папуна, был вызван в Тифлис и там предательски убит. В то же время войско царя Грузинского осадило замок его, с тем чтобы по царскому приказу истребить весь род непокорных ему князей Церетели; но вдова князя Папуны так героически выдержала осаду, решившись умереть на стенах своей крепости, что царь Грузинский принужден был уступить женщине, снять осаду и даже простил весь род ее в награду за ее мужество.

Прошло несколько десятков лет, и вот опять Модинахе окружено русскими войсками, и опять женщина воодушевляет его защитников. Однако князь Орбелиани, взявший Потю, не имел успеха и не взял Модинахе.

В то же самое время в нескольких верстах всего отсюда, в нескольких крепостях Чхери и Мухури русским приходилось очень плохо. Взбунтовавшиеся имеретинцы, ободренные неудачей под Модинахе и поджигаемые турками, снова взяли за оружие, собрали скопище в несколько тысяч человек и обложили две маленькие башни Чхери и Мухури. В первой было всего 12 человек рядовых под командой унтер-офицера Яковлева; во второй заперлась команда в 30 рядовых под начальством подпоручика Шеншина. Все они были Белевского пехотного полка.

Был цветущий июнь месяц, в тех южных местах уж позднее лето, очень жаркая пора года. Провианта было очень мало в обеих крепостях; но Мухури имела важное преимущество перед своей соседкой: в крохотном дворике у башни был колодезь, источник холодной чистой воды, бивший из-под земли так, что враги не могли его ни испортить, ни засорить. Команда Яковлева была обеспечена в главном. Зато в Чхери скоро почувствовали ужасный недостаток. С первых же дней блокады старый унтер Чеботарёв призадумался, глядя как быстро сохла и выпивалась вода в глиняном резервуаре, наполненном ручной водою накануне появления вооруженных мятежников. В Чхери воду доставляла кипучая горная речонка, пробегавшая у подножия скалы. После больших

дождей, а в особенности во время таяния снегов в горных ледниках и ущельях, она превращалась в глубокий мутный поток, который с диким ревом стремился в долину, увлекая все, ломая деревья и сворачивая камни по своему пути. Тогда воды ее заливали окрестности и подымались так высоко в ущелье, что их можно было черпать, не сходя со стен крепости, спуская ведра и ушаты на веревках. Но летом она почти совсем пересыхала, и чтобы добыть воды, необходимо было спуститься с горы и ковшами наполнять бочонки, а потом тащить их снова на крутизну... И в спокойное время это была нелегкая работа; каково же было за нее браться под выстрелами врагов? Между тем мучения жажды, особливо в знойную пору, страшнее вдесятеро всякой вражьей пули.

Молодой офицер только что проснулся на заре пятого дня осады, заснув богатырским сном после жаркого дела. Накануне они отбили второй приступ горцев, распаленных неудачей; все люди и сам он падали от усталости, и едва ночь прекратила неприятельский огонь, свалились где попало, благо слегка раненый унтер не спал, наблюдая за сменами караула и движением врага внизу под горою. Кроме Чеботарёва, раненых и больных еще не было. Зорька только что глянула в узкое окно одной из башен, где спал на сене подпоручик Шеншин, когда унтер-офицер, всю ночь не спавший, вошел к нему озабоченный.

— Ваше благородие! — сказал он. — Прикажите людям с водой поосторожнее быть. Мыться-то уж я запретил, но и пить надо понемногу... Кто знает, когда выручат нас, разгонят эту сволочь? Как бы греха не вышло.

Офицер вслушивался, спросонья не сразу понимая, что ему докладывает пожилой на службе царской посевший унтер, которого он, да и все белевцы уважали как храброго и опытного солдата.

— Какого греха, Чеботарёв?.. Что случилось?

Унтер снова объяснил дело, а молодой офицер, слушая его, быстро натягивал обувь.

«Не остаться бы без воды!.. Не дай Бог!.. Да! Это важно!..» — думал он.

— Жаль, что мы раньше не спохватились, Чеботарёв!.. Надо бы запереть и раздавать по чаркам.

— Уж я и то думал, ваше благородие! Да как тут ее запрешь, когда чан вон среди двора вмазан?.. Он ведь на всякий обиход

да для скотины приспособлен... Это уж мы стали из него пить, а то для питья воду прежде ведрами да коками¹ таскали, а ныне и нельзя ее доставать из речки-то.

— Да, брат! Плохие дела!.. Только, чтобы уж не случилось, — лишь бы люди духом не падали!.. О сдаче не замыслили бы!

— Не приведи Господи!.. У нас, у белевцев, это никак дело невиданное! — гордо отозвался унтер-офицер, приосанившись.

— Знаю, братец! Сам я из ваших: пятый год в полку!.. Да неровен час и неровны люди... Эти двое новобранцев, один здоровенный такой, а по бабе все плачет; а другой балагур — сказочник наш, как его? Из хохлов, никак?..

— Да, знаю, ваше благородие! Ванька Терещенко и Никифоров Андриан. Знаю!.. Парни хорошие. Вчерась оба славно работали... Терещенко передового того, что со значком уж у нас под стеной самой был, ловко положил!.. До второго пришествия не встанет!

— Ну, хорошо, что ты наблюдаешь. А то я того, побаивался!.. Кто их знает? Новые.

— Не сумлевайтесь, ваше благородие!.. Ежели бы даже такой грех вышел и завелась паршивая овца, — что же бы одному поделать супротив всех нас?.. Нету! Я своих людей знаю: все как один головы сложат! В лютых мучениях помрут, — но воинской чести своей и души перед Богом и царем не загубят!

Подпоручик и унтер-офицер спустились по узкой витой лесенке в нижний этаж. Там, в просторной комнате со стенами из огромных, неотесанных камней, связанных плотным цементом, с закопченным бревенчатым потолком, по широким грузинским нарам и просто в растяжку на кирпичном полу, с пучком травы или свернутой шинелью под головами, еще спали многие солдаты. Другие уж копошились, приводя себя в порядок; в одном углу у маленького оконца собралось несколько людей вокруг живо работавшего иглой черномазого парня. Все они вытянулись и подобрались при виде начальства.

— Что?.. Вчерашние изъяны поправляете? — мимоходом спросил офицер.

— Точно так, ваше благородие. Грузинским горохом маленечко одежду вчера продырявило... Поправить надоть! — Ослабившись, бойко отвечал черномазый.

¹ Коки — глиняные кувшины с узкими горлышками, бывают очень велики. — *Прим. авт.*

Офицер взглянул на него одобрительно и прошел к выходу, к другой лестнице, немножко пошире, в самый нижний этаж здания. Здесь помещений было вдосталь. Сакли, сараи, кладовые, всякие клетушки ютились вокруг четырехугольного дворика, и все они обнесены были широкой, убитой глиной, обнесенной стеною с бойницами, платформой, по которой расхаживали часовые. Одно небо блестящим куполом раскинулось над их головами; надо было подойти близко к краю, чтобы увидеть землю, леса и горы под крепостью, поближе раскинувшихся по необъятному горизонту дальних вершин, лесистых горных кряжей и снежных цепей.

Чудный и величественный вид открывался отсюда, но некому было им любоваться! Часовые, по временам внимательно заглядывавшие в бойницы, караулили только движения неприятеля, зорко всматривались в ближайшие леса и в подъемы к их вышке, заложенной словно орлиное гнездо под облаками. Шеншин и Чеботарёв даже и не взглянули на великолепную картину природы, залитую веселыми лучами встававшего солнца. Их гораздо больше интересовал огромный глиняный чан или кувшин с отбитой верхушкой, вделанный в землю, всего наполовину еще полный грязной водой.

— Эхма! — невольно вырвалось восклицание у Шеншина. Его поразило количество и качество воды в их единственном водопое... Пока у него были в запасе бурдюки¹ с кахетинским вином, он не обращал никакого внимания и совершенно забыл о воде. Не далее как накануне утром он ею обливался с головы до ног, а теперь?.. О! Как бы он хотел вернуть эту легкомысленно потраченную на свое удовольствие воду! Как жестоко он упрекал себя за непростительную неосмотрительность!

Тотчас же приказал он приспособить крышку из сколоченных досок, снял со своего сундука петли и замок и, на глазах своих устроив надежный запор, вручил от него ключ Чеботарёву со строгим приказанием выдавать людям воду, как вино, чарками.

III

Прошло еще дня два, три. Имеретины не делали новых попыток ворваться в крепость, а довольствовались тем, что зорко ее сторожили, прекрасно зная, что недостаток в пище, а тем более в воде, скорее вынудит осажденных к сдаче, чем все их приступы.

¹ Мех из цельной кожи животного, шерстью внутрь. — *Прим. авт.*

В жаркий полдень, в начале второй недели осады, часовой, ходивший на самой вышке по плоской крыше башни, в которой жил офицер, закричал, что трое людей лезут на гору... Подпоручик бросился вверх по приставной деревянной лестнице. Он перегнулся через каменные перила и точно увидел троих имеретин, которые были безоружны, за исключением своих кинжалов, которых и по ночам, кажется, не снимают, и усердно махали белыми тряпицами. Передовой даже навязал что-то белое на длинный шест и кружил им отчаянно над головою.

— Стрелять, что ли? — спросил часовой.

— Что ты! Огалтел, что ли? — закричал офицер. — Не видишь, что парламентары идут?

И он бросился вниз еще торопливей, чем вбежал сюда, крича:

— Чеботарёв!.. Парламентары! С переговорами идут! Велипустить!

Унтер-офицер уже знал и ждал прихода дорогих гостей, только ворчал про себя:

— Ну да! Знаем мы этих переговорщиков!.. Сдаться предлагать будут!.. Как же! Не видали мы милостей их разбойничьего начальства!

— Ну что же! Тогда можно их будет венчиками маленько попарить, да с горки спустить, чтобы, значит, легче спускаться им к своим было! — шутил черномазый балагур Терещенко, заслышав воркотню унтера.

— Эх! Оно бы все хорошо, кабы по этой жарнице да водицы было вволюшку, — заметил один солдат.

— Ишь ты, ненасыть! Мало тебе кружки?.. Погоди! Еще через денька два — полкружечки отпустят! И за то спасибо скажешь! — Шутили вокруг недовольного товарищи.

— А ты смотри вон в оконце! — советовал Терещенко. — Стань на нары, подымись на носки, да и гляди, как она там промеж гор бежит, шумит, переливается, речка-то! Вот с тебя и жажда спадет!.. Ишь сколько воды!.. Гляди, захлебнешься!

И все захохотали.

Кроме, впрочем, одного ражего¹ коренастого солдата из молодых. Он не любил балагурить. Чуть время — Андриан Никифоров гляди в сторонке, — или спит, или лежит на боку, смотрит

¹ Рослый, крупный (устар.). — Прим. сост.

вверх на небо да вздыхает, что твой мех кузнечный. Есть у него в полку земляк, с одной волости, с одной почти деревни взяты они. Над обоими вместе бабы их голосили в два голоса, когда Андрияшке с Игнатом обоим в один день лбы забрили. С тем он любил покалякать о деревне, о своей бабе, о родных местах и родной семье... Но теперь не было его здесь: попал он к унтеру, к Яковлеву; сидел ныне там же, как и они, неподалеку, в Мухурской крепостчонке, ожидая выручки... или смерти. Какой женибудь да придет конец?... Не все ли равно? Ведь домой раньше срока не отпустят!..

«Двадцать пять лет! Шутка ли?» — думалось Никифорову, да и не ему одному в те тяжелые времена долгосрочной службы. «Вся жизнь!.. Состарюсь: что мне и возвращаться тогда? Может, и сам помру, — убьют или того хуже: покалечат!.. Уж лучше бы скорей, ежели что... Один бы конец: убили бы или изувечили сразу, чтобы хоть помереть пришлось в своей семье!..»

Андриян так часто раздумывал, а при случае и вслух говорил, не смущаясь тем, что над ним смеялись зубоскалы: «Ишь де! По молодухе своей встосковался! На лежанку к ней захотел...» Знал он, что горе горем, а придет час да дело, так и он себя в бою не хуже других покажет.

Явились переговорщики: двое имеретин в своих красных куртках, обмотанных по ребрам двадцатиаршинными поясами, из складок которых обыкновенно торчат рукоятки пистолетов и кинжалов; в четырехугольных, расшитых шнурками и позументами, блинах вместо шапок на курчавых волосах, так широко торчащих вокруг головы, что заменяют им мех, которым другие горцы обшивают свои папахи, и один грузин, прибежавший из Гори сказать, что туда вернулись несколько человек из отряда майора Тихоцкого, посланного князем Орбелиани к крепости Модинахе, где его заперли и наголову разбили имеретины. Грузин хорошо говорил по-русски. Он обстоятельно рассказывал о поражении русских войск, о единодушии, с которым князья, сторонники царя Соломона, требуют его возвращения из Турции на новое воцарение; он утверждал, что русские отступили от замка князей Церетели, отступают повсеместно, чуть ли не вышли из самого Кутаиса, и что защитникам Чхери и Мухури ни к чему губить себя жаждой и голодом, а необходимо сдаться на великодушные победителей, которые отпустят их невредимо...

Пока парламентареры рассказывали и расписывали все это Шеншину, встревоженному не от страха за себя, а от неведения, что правда, что нет в страшных известиях, принесенных грузином, старый служивый стоял за офицером бледный и тоже в страшном волнении из боязни, чтобы все эти рассказы не смутили юношу. Чеботарёв нещадно дергал себя за усы, бурча себе под нос:

— Все врут!.. Ей Богу, все брешут, собачьи дети!.. Не может того быть!.. Чтобы их разбойничьи шайки нашим войскам угрожали?.. Ни в жисть тому не статься!

И он ждал с замиранием сердца, что ответит подпоручик, как покажет себя этим бунтовщикам и врялям бесстыжим?..

И отлегло же у него от сердца, как повернулся к нему молодой офицер, сверкнул глазами и, отошедши на два шага, тихо сказал:

— Смертельная охота берет этих брехунов напрямиком со стены спустить!.. Стоят!.. Жаль, что воинская честь того не позволяет!

И, повернувшись лицом к выжидавшим дикарям, он громко сказал, обращаясь к грузину:

— Передай своим товарищам и всем там, слушникам царя нашего и бунтовщикам против воли его, — что русские солдаты измены долгу своему больше боятся, чем смерти! Мы поклялись умереть, защищая эти крепости, и умрем на их развалинах! Но никогда не сдадимся, хотя бы ни одного русского солдата более не оказалось в Имеретии.

Он повернулся и твердыми шагами ушел с нижней платформы вовнутрь крепости.

Единодушное неударжимое «ура!» приветствовало и провожало его до вышки.

Чеботарёв первый закричал, и все тридцать человек гарнизона дружно его поддержали, поняв, что подпоручик сам поддержал их воинскую честь.

Переговорщики ушли вне себя от злобы, всю дорогу крича ругательства и угрозы, размахивая кинжалами.

— Проваливайте! Проваливайте, собаки, пока целы! — грозился унтер-офицер.

А рядовые хохотали, показывая кулаки и отплевываясь от быстро сбегавших вниз обозленных неудачей врагов.

Внизу в стане осаждавших, разбросанном по лесу и вдоль ущелья, где кипела светлая речка, догадались, в чем дело, еще раньше, чем передали они славный ответ начальника гарнизона в Чхери.

Такой же точно принесли им посланные их из Мухури; да знавшие русских солдат между ними, вероятно, и не ждали других... Но они не унывали!..

Уж если говорится, что «голод не тетка», — так уж жажда хуже всякой лютой мачехи! Горцы знали это прекрасно, и потому не теряли надежды на успех, ревниво денно и ночью охраняя свою речку.

Правы были они, догадываясь о бедствиях грядущих на бедные маленькие, забытые во вражьих горах гарнизоны. В тот самый день, как в обеих крепостях на предложения о сдаче даны были такие решительные ответы, в Мухури был зарезан последний тощий козленок и выпечены пресные лепешки из последней муки, а в Чхери, хотя еще были кое-какие запасы, но зато не на чем было замешивать теста и чаще и чаще приходилось людям чувствовать мучительную жажду.

Дня через два измученный заботами, беспокойством подпоручик Шеншин, заглянув в резервуар, охраняемый Чеботарёвым, ужаснулся!.. На дне его оставалось ведра два мутной, заплесневелой воды.

Шеншин давно уже посадил себя на добровольный пост, в особенности в отношении питья; воды он почти не касался и вина пил очень мало, прибегая к нему на случай болезней, которых надо было ждать. Как ни был молод и неопытен подпоручик, но он прекрасно знал, какую ответственность принимает на себя и на что сам идет, когда давал свой мужественный ответ мятежниками.

И точно: еще несколько дней, и настали мучительные дни страшных испытаний. Запас воды иссяк окончательно... Оставалась одна надежда: на милость Божию — на дождь. Но день шел за днем, а благодатных туч не показывалось на ярче и ярче рыдавшем небе!.. Каждое утро беспощадное солнце огненным шаром выкатывалось из-за гор, медленно обходило все небо, почти отвесными лучами крушило все, сжигая зелень, заставляя землю трескаться от жара и суши!

Люди бродили, как тени. Треть гарнизона лежала в бреду, в жестоких страданиях. Молодой офицер и его мужественный старый сподвижник еле держались на ногах, и втайне, оставаясь один на один, сам с собой да с Господом Богом, каждый из них отчаянно вздымал руки и глаза к небу, моля о помощи...

Когда же, когда придет избавление? И еще придет ли вовремя?

IV

Но истязания и муки не вынудили к сдаче русских героев, не поколебали их стойкой решимости умереть со славой. Они породили другое решение, подвинули нескольких богатырей на смелый подвиг.

Шла третья неделя осады, четвертая полного бездождья. Ночи стояли лунные, в последней четверти.

Шеншин сидел на платформе внизу без сюртука в одном белье, тяжело дыша в напрасном старании прохладить струей свежести воспаленное горло. Неподалеку слышались тяжелые, замедленные слабостью шаги часового, да порою долетали хрипкое дыхание или тяжкий стон валявшихся там и сям людей. Отчаянно ухватившись за волосы, бедный юноша замер недвижно, устремив затуманившийся взор к небу, где ярко горели созвездия. Мысли его блуждали, перебегая от страшного настоящего к прошедшему, навеки, казалось, потерянному! Он вспоминал мать свою, сестер, домашний тесный кружок... Хорошо там! Думают ли они? Догадываются ли о его мучениях?.. Нет! И не надо... Не дай Бог, чтобы они знали!.. Зачем?.. Пусть знает только Бог!.. Он — всеведующий! Он — всемогущий!.. О! Если бы Он взглянул! Если бы помощь... Если бы хоть дождь!

Глаза его обратились к потемневшему западу, а сердце чуть-чуть всколыхнулось призраком надежды: черная тучка ярко вырезалась там, на багрянце еще не потухшего заката.

О! Если бы дал Господь! Хотя бы капля дождя, капля росы освежила дыхание.

К нему подошел унтер-офицер; за ним еще темнели несколько человек. Чеботарёв прокашлялся и собрал все силы, чтобы прояснить хриплый голос, и браво выговорил:

— Ваше благородие! Дозвольте мне и вот товарищам отлучиться!

Подпоручик со страхом поднял на него глаза. У него промелькнуло подозрение, что унтер-офицер сошел с ума. Тот продолжал:

— Мы хотим, я и вот двенадцать человек, которые еще в силе, попытать счастья: за водою сходить.

— Выйти из крепости?.. Но ведь это верная смерть! — вскричал офицер.

— Ваше благородие! Все одно!.. Так-то ведь еще хуже!.. Коли Бог судил помереть — от пули легче!.. А может, еще выручит Царица Небесная!.. Тогда ведь — все спасены!..

«А ведь это правда!» — подумал Шеншин. — «Я не имею права удерживать их... Зачем?»

— Я бы еще потерпел, — я бы вас не оставил, ваше благородие! — продолжал объяснять старый воин. — Умер бы на своем посту. Да вот — их жаль!.. А то еще думается: а ну, как не заметят черти эти? Успеем зачерпнуть и на гору вылезть по тени, пока еще месяц не светит... Ведь то-то бы счастье!.. Дозвольте, ваше благородие!

— Да с Богом, братцы! Что же?.. Попробуйте. В животе и смерти волен Бог!.. Кто же еще с тобою?

— Мы!.. Я!.. И я!.. Двенадцать нас душ! Все рады идти! — раздались надорванные истомой, но решительные голоса.

— Что же, братцы? С Богом!.. Пошли вам, Господи, успех. Берете ведра?

— Что ведра? Расплещутся, не дай Бог!.. Бочонки у нас, коки, — всякая посудина. Все готово!.. Мы еще давеча задумали, днем.

— Помилуй вас Бог!.. Стойте, братцы!.. Вам надо силы! Там у меня еще есть, немножко.

И откуда бодрости взялось у подпоручика: зашагал он, как сытый и здоровый, сам принес последний бурдючок с остатком вина и нацедил каждому по несколько глотков в крышку своей походной фляжки. Он отнимал, быть может, этим у себя самого несколько дней жизни, но он о том и не подумал.

Подбодренные люди оживились и мигом собрались на западном конце платформы, где тень лежала всего гуще, а спуск прямым, без тропки, все же легче был вдоль по впадине, поросшей травами и кустарником между скал.

Решено было спускать людей одного за другим на веревке, привязанной к поясу, до первого уступа скалы, откуда уж спуск был гораздо легче, по множеству заросших зеленью расщелин, в тесное ущелье реки. Все дороги и тропинки *законные* вились по другой стороне горы, гораздо менее неприступной. На них опасности, конечно, было несравненно больше; но потому-то именно и можно было предполагать, что *разумный* неприятель будет внимательнее наблюдать за таким *беззаконным* путем, как избранный

нашими смельчаками. К счастью, грузины вообще, а имеретины в особенности, народ храбрый, но очень беспечный...

Спуск людей, вооруженных кроме оружия еще каждый каким-нибудь громоздким сосудом, совершился благополучно. Чеботарёв, настоявший на том, чтобы первому предпринять этот полувоздушный путь, был спущен бесшумно, стал, утвердившись на крутизне, и отвязал веревку.

Ее сейчас же втянули и привязали к ней Терещенко, который и тут не обошелся без шутки насчет своей легкости: «Потому давно его хозяйка ватрушками не кормила, бражкой не паивала!»

И он стал рядом с унтером, и еще двоих за ними спустили хорошо. Но пятым спускаться пришла очередь коренастому Андрияшке, и тот таки зацепил какой-то камешек, который, оторвавшись, полетел, покатился в кручу, на пути увлекая другие камни и землю за собою, и наделал изрядного шуму.

Уф! Как тоскливо забились сердца у воинов внизу и вверху!.. Шеншин, с замиранием сердечным наблюдавший за рискованным делом своей отважной команды, от ужаса закрыл глаза и зажал уши, чтобы не видеть и не слышать, что сейчас произойдет!.. Секунду он был убежден, что все погибло!.. Что сейчас раздадутся выстрелы и двенадцать отборных людей его, половину всего гарнизона, перебьют ни за грош, как баранов...

Но нет... Слава Богу!.. Тишина царит по-прежнему в ущелье и по другой стороне в лесу. Они не заметили, не расслышали за шумом реки, вероятно.

И снова скрываясь во мраке, смелые воины принялись за свое отчаянное дело.

Когда все двенадцать рядовых собрались на уступе скалы вокруг своего старшего, унтер шепотом дал им последние инструкции и все врозь пустились, кто как мог, где ползком, где цепком, хватаясь за камни, повисая на кустах, вниз к спасительнице-речке. Ее прохлада, ее сладостный шум и ропот все ближе и явственней раздавались, словно маня и призывая к себе несчастных, истомленных жаждой воинов.

Шеншин и с ним все оставшиеся наверху, кто был еще в памяти, прислушивались с замиранием и вместе с сердечным восторгом к шепоту и всплескам ее, представляя себе, что там творится!.. Вот один, вот другой... Вот и все достигли желанных, сладостных, спасительных струй!.. О! Какая благодать, какая райская услада

в этих холодных струях! Как утоляют они и тушат внутренний огонь, паливший бедняков! Какую отвагу и силу вливают в них собою!..

— Братцы! Буде!.. Обопьетесь! Вспомните товарищей: они там еще ждут! Помирают, ожидая! — властно зашептал наконец унтер.

И обезумевшие было солдаты услышали призыв, опомнились!.. Каждый дрожащими руками принялся наполнять посуду, помышляя о том, чтобы донести благополучно эту благодать, эту живительную силу до изнывавших по ней больных сотоварищей... Все забыли о личной опасности, а она была близка, жизни их на волоске висели...

Передовые караульные на имеретинских постах давно слышали шум, но решили, что это обвал: оторвался камень, тронутый каким-нибудь животным, и полетел, увлекая с собою другие. Дело обычное!.. Они такой шум слыхивали раз по десяти в ночь... Особливо после дождей.

Правда, дождя давно не было... Ну что же? Видно, от засухи растрескалась земля. И сторожевые повернулись на другой бок.

Но вот один из ближайших к реке слышал какой-то более сильный шум в ней и плеск. Речонка-то ведь об эту пору еле слышна: пересыхает!.. А тут что-то разыгралась...

Приметивший то караульный был совсем мальчишка; таких малолетних воинов было множество среди мятежников. Он сразу не решился делать тревоги, а пока он раздумывал, вглядывался в темноту да вслушивался в шум реки, наши воины успели напиться, бочонки и кувшины наполнить, и один по одному снова пуститься в обратный путь.

Решено было ради сбережения драгоценной влаги рисковать: пробраться в крепость более возможным путем... Авось пронесет Господь! Известно, что в жизни русских людей «авось да небось» важную роль играют.

К этому времени неполная луна уж показалась. Но она освещала ярко только противоположную сторону ущелья: лес, где скопище в несколько тысяч человек выжидало сдачи *сорока* русских солдат, защищавших против них две крепости... Та сторона горы, по которой нашим бесстрашным воинам приходилось возвращаться, почти вся была в тени; только последний заворот вившейся тропинки был задет лунным светом... Но уж там было близехонько!

На этот раз Чеботарёв хотел идти последним в веренице; но этому воспротивился Никифоров. Он было все дело, косолапый, испортил, как на речку спускались, так уж теперь пушай последним идет. Коли что, так он один в ответе будет!.. Унтер-офицер попробовал было прикрикнуть, чтобы рядовой не рассуждая исполнял приказ, — да Андрияшка заупрямился не на шутку, даже бочонок свой — изо всех бочонок самый здоровенный — поставил на землю.

— Не! Говорите: я косолапый! А душегубцем не буду. Идите все вперед, а я опосля.

Пришлось на него рукой махнуть.

Крадучись словно воры поползли рядовые гуськом, с трудом таща свои нелегкие ноши на крутизну, отдыхая в самых темных колдобинах, поджидая отставших. Решено было: как доберутся до крайней полосы тени во рву, дожидаться; оттуда уж нельзя врассыпную, а всем вместе гурьбой последний уступ взбежать надо, чтобы скорее сразу в крепость войти. Если сторожат подъем с вражьей стороны, так все равно, *одного* увидят, так же как и всю гурьбу! Поодиночке еще легче перестрелять всю команду, а так все же хоть несколькими посчастливится проскользнуть, пока что.

Освеженные, с новыми силами, рядовые бодро, чуть ли не весело кончали свой подвиг, уверенные в его успехе.

«Дрыхнут, ротозеи», — радостно мыслил Чеботарёв, поглядывая на противоположные горы, покрытые богатым лесом, залитые спокойным лунным сиянием. «Небось до отвалу наелись ягод, слив, всякой лесной благодати, что им Бог даром дает, безо всякого труда и ухода... Теперь сыты и спят!.. Ну и дай им Бог хороших снов, чтобы крепче спали, да нас не видали».

Вот и овражек... Здесь всем сойтись, присесть, чтобы дух перевести, с силой собраться и перемахнуть по тропке, так и блестящей на месяце.

«Вынеси, Господь! Больных товарищей спасем и сами целы!» — чуть не вслух молвил Чеботарёв, подходя последний к ютившимся под кустами и камнями во рву товарищам.

— Все ли здесь? — шепнул он. — Откликайтесь, — буду считать, и он стал называть рядовых по именам.

— Никифорова нет еще! Задержит он нас. Скоро вот уж и свет! — перешептывались солдаты.

— Да на что его и свету? — заметил один. — Месяц во все лопатки жарит, что твое солнце... Хоть иголку вдевай!

— И что это Андрияшка запропастился? Чего он там? — спокойно шепнул сосед Ивана Терещенко.

— Алычу¹ спелую в лесу собирает. Насушить хочет своей женке в гостинец! — ответил тот не задумываясь.

— Маленько пождем, да и Бог с ним! — решил Чеботарёв. — Упрямая животная!.. Что с ним поделаешь?.. Всем из-за него не пропадать... Да и там ждут, чай нас не дождутся, — размышлял он, зорко прислушиваясь и приглядываясь.

И точно: там наверху трепетно, мучительно ждали их возвращения!.. Полуздоровые теряли последнее терпение; больные, умиравшие от жажды, лишались последних сил...

Подпоручик сам стоял у входа, скрываясь в тени глубокой впадины дверей, давно гостеприимно отворенных в ожидании дорогих гостей.

Ночь из темной становилась полупрозрачной. По той стороне все сияло, да и на тeneвую уж ложились отсветы ясного неба и общего блеска. Сверху из крепости, как ни прислушивались, как ни приглядывались люди, удерживая дыхание, напрягая усиленно зрение, ничего не было ни слышно, ни видно.

Двенадцать человек ушли и как в воду канули — пропали!..

«Господи! Когда же они покажутся? — мучился подпоручик. — Не захватили же их всех там?.. Не перекололи на речке так, что они и голосу не подали и выстрела не сделали!.. Где они? Чего медлят?.. О чем думает Чеботарёв?.. Погубят они себя и нас!..»

И он зрением и слухом посылал тревожный мучительный вопрос в непробудную заколдованную ночную тишь... Но все молчало.

Но вот, никак, шелохнулось что-то внизу...

Унтер-офицер там решительно поднялся, не дождавшись исчезнувшего под горою рыжего Андрияшки, и сказал:

— Ну, братцы, делать нечего. Всяк за себя теперь, а Бог Господь за всех!.. Благословясь, выступайте все разом!.. Да ровней, смотрите, да тише!

Все дружно перекрестились, в левые руки подхватили посуду, правыми держа ружья наготове...

¹ Дикая слива. — *Прим. авт.*

Сверху услышали, как дрогнули и захрустели в овражке кусты под дружным напором команды; увидели, как она темным пятном вынырнула на свет и скорым шагом двинулась вверх.

В ту же секунду грянул одинокий выстрел, и эхо гулко разнесло его в ночной тиши по долам и горам.

Это опомнился мальчишка имеретин на своем сторожевом посту.

Вдоль по ущелью наконец проснулись и в лесу зашевелились. Замелькали тени, вспыхнули там и сям огоньки, загремели выстрелы, направленные в темное пятно, всползавшее к крепости.

Несколько десятков горцев бросились за ним на гору, наперерез, по настоящему подъему, но уж было поздно: до входа оставалось несколько саженьей. Мятажники могли только локти кусать, — они проспали вылазку и пропустили воду к осаждаемым у себя под носом.

— Живее, братцы! Живее... — подбодряли друг друга солдаты.

— Эх! Черти! — вырвалось у одного. — Воду расплескали!.. Ах! Чтобы вам треснуть, аспиды! Лучше бы в меня самого угодили.

Заряд попал в бочонок; вода хлынула фонтаном из трещины. Мигом солдатик сорвал с себя шапку и, заткнув дыру, бегом пустился вперед, придерживая грудью и руками драгоценную ношу, думая лишь о сохранены воды.

— А-ах! — вскрикнул он еще раз и, чувствуя, что не может долее сдержать бочонка, сел на откос и отчаянно крикнул. — Воду, братцы! Воду, Христа ради, держите!

У самых дверей почти имеретинская пуля настигла его и перешибла правую руку. Было так близко, что двое рядовых, еле державшихся на ногах, но все же следивших за ходом дела, выскочили к нему, схватились за разбитый бочонок и жадно припали к нему с двух сторон.

— Слава Тебе, Господи!.. Слава тебе, Создателю! — повторяли они, еле переводя дух, облизываясь, дрожавшими руками вытирая мокрые, давно не мытые лица, и крестясь и смеясь в одно и то же время.

Сверху им кричал часовой, перегнувшись через край платформы, судорожно сжимая ружье в ослабевавших руках:

— Не всю, братцы, пейте! Донесите хоть глоточек, Христа ради!.. Умираю совсем.

Один из солдат подставил шапку под бившую воду и, шатаясь, как мог, скорее понес ее часовому. Другой, напившись и накрестившись, изловчился, перевернул еще остававшуюся воду в цельный бок бочонка, и сам, чуть не падая, потащил ее в башню, к лежавшим без памяти больным.

Подпоручик, подбежав к раненому, помог ему войти, схватил оружие и бросился вновь на помощь к команде.

Она теперь двигалась медленно. Шесть человек вместе с Чеботарёвым составили свои посудины на землю, выстроились и отстреливались от передовых, настигавших их горцев; а пятеро остальных втаскивали свою и их воду в крепость. Что только было в ней еще людей, державшихся на ногах, — все бросилось на выручку отважным товарищам, своим спасителям от лютых мук и смерти.

— Осторожней там! Осторожней там с водою!.. Не набрасываться! — то и дело раздавалась строгая команда офицера, проученного горьким опытом.

— Эй, Иванов! — окликнул он одного из напившихся из разбитого бочонка рядовых. — По чарке воды на каждого, кто еще не пил. Слышишь?.. Больше не смей никому давать!

И он выскочил за стену.

Но на горе уже благополучно кончилось дело. Вода вся уже была в крепости; горцы прекратили преследование, убедившись, что оно бесполезно и что кроме произведших вылазку в них еще стреляют из самой крепости. Через несколько минут все уже были на платформе и двери на запоре. Раненых оказалось еще трое, но довольно легко. У Чеботарёва Георгиевский крест был расплющен пулею...

— Ничего, брат! — утешил его Шеншин. — Верный знак, что другой такой же с ним рядом будет.

Недосчитывались только беспутного Андрияшки.

— Сам виноват в своей гибели! — говорил унтер-офицер. — Своей волей на смерть остался... Ждать его дальше никак не возможно было. Эх! А крепко жаль парня!.. Сгибнет теперича ни за грош.

V

Но Андриян Никифоров и не думал умирать или сгнбнуть. Сначала точно он только желал оградить своих от какой-нибудь

новой неловкости. Он был совершенно уверен, что благополучно достигнет крепости вслед за ними. Но Терещенко, оказывалось, был пророком: Андриян действительно набрел на куст спелой сочной алычи и над ним позамешкался. Закусив и набив сливами все карманы, он продолжал путь; но, далеко не дойдя еще до овражка по ту сторону горы, услышал сигнальный выстрел и поднявшуюся за ним перестрелку... Благоразумно рассудив, что ни помочь, ни добежать даже он теперь до своих не успеет, Никифоров заблагорассудил переждать тревогу и залег в рытвину за выступом скалы.

Его так разбирала совесть, и пощипывало за сердце сознание, что вот он отделился; лежит тут в сохранности, тогда как товарищей-то бьют... Ишь их, черти, какую трескотню подняли по лесу!.. А его-то и нет там. Одним, значит, меньше — недостача!.. Все же бы он, может, хоть одного красного черта уложил.

Красными чертями Андриян обзывал туземцев из-за их наряда, всегда очень яркого и пестрого.

Лежал он, мысленно ругался, прислушиваясь к перестрелке, сосал алычу, да вдруг неведомо как и заснул. Заснул так-то здорово, что, когда проснулся, белый день стоял над миром Божьим. Вскочил Андриян, очухался... Ах ты, Господи милостивый! Ведь вот грех-то какой, а?.. Что тут делать?.. Не ползти же теперь ему в гору, мишень мишенью басурманам, чтобы ни воды не донести, ни самому не дойти до крепости. Хочешь не хочешь, — а надо лежать смирно, ждать вечера. Вот вышла беда так беда!.. Уж какой страшный вылежал бедный парень день, так и рассказать трудно. Уж он и думал, и дремал, и с боку на бок переворачивался, и со зла чуть кулаков себе не сгрыз. А тут еще в полдень спустились к речке какие-то люди, туземцы, конечно, стали рыбу ловить, из укромных местечек между камней и кустарников какие-то плетенки, корзины из хворосту вытаскивать и выгребать из них набившуюся рыбешку. Вынули, нанизали ее на хворостинки, выбрав которая покрупней; тут же разложили костер, вытащили откуда-то котелок, соли и чурек¹ из карманов достали — из мелкой рыбы сварили ушицу, да так-то славно пообедали, что у бедного Андрияна индо² слюнки текли на них глядячи.

¹ Чурек — лепешки мучные. — *Прим. авт.*

² Индо — так что даже. — *Прим. сост.*

Дагестан. Чертов мост

Дагестан. Скала Хунзах в Аварии